

18+

Виктор Бычков

**Сопка
с проплешиной**

Рассказы

Виктор Бычков
Сопка с проплешиной.
Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57109810
ISBN 9785005117687*

Аннотация

В сборнике собраны рассказы Автора последнего времени. Герои рассказов- персонажи сильные, мужественные, смелые, готовые взять на себя ответственность. Это не только современники, но и герои нашего недавнего прошлого, дети военной поры. Включены так же и рассказы о животных, наделённых достойными внимания читателя качествами.

Содержание

2		18
	Буковинцы	31
2		37
3		46
	Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сопка с проплешиной

Рассказы

Виктор Бычков

© Виктор Бычков, 2020

ISBN 978-5-0051-1768-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Братик

Рассказ

Ещё до войны в семье определились с именем младенца.

Если родится мальчик, то его назовут Данилкой, Даником, как говорила мама. И папка был согласен, и она, Надя, тоже ничего не имела против имени Данилка. Даниил Васильевич Ставров.

А если родится девочка, то её назовут именем мамы – Оля, Оленька. Тоже красивое имя. Самое лучшее имя в мире, так считает Надя. Потому что мама. И потому что младшая сестричка будет с таким же именем. Ольга Васильевна Ставрова.

В последнее время только и делали, что ждали или Оленьку, или Данилку. Об этом только и были разговоры в семье.

А потом вдруг всё изменилось.

Так изменилось, что Надя не только не может объяснить, но и не может понять.

Как так получилось, что началась война?

Как так получилось, что её папа – самый лучший папа в мире, бригадир в колхозе имени Ворошилова, вдруг стал полицаем, старостой деревни?

Как такое могло произойти – не укладывается в голове.

Был членом партии, был как все.

На собраниях в честь Великой Октябрьской социалистической революции сидел в президиуме, выступал с трибуны.

И провожали его на фронт вместе со всеми деревенскими мужиками.

Женщины, детишки, старики и старухи проводили их тогда за околицу.

И она, Надя, была вместе с мамой среди провожающих. Папа ещё просил маму не волноваться, не убиваться зря, а беречь себя, беречь не родившихся ещё Данилку или Оленьку. Нежно касался живота мамы, и Надя видела, как блестели папины глаза, как наливались они слезой.

Мужчины ушли строем на центральную усадьбу колхоза.

Командовал ими Надькин папа.

А провожающие остались за околицей.

Плакали и махали руками.

Многие ребяташки побежали следом за отцами и братьями. Звали и её, Надьку. Но она не могла оставить маму одну. Потому что «вот-вот».

– Тебе уже десять лет, доченька, – шепнул на прощание папа. – Береги маму. Я на тебя надеюсь.

Как так получилось, что через месяц у них в деревне уже были немцы?

Ведь до войны все говорили, что враги никогда не ступят на нашу землю. И вдруг ступили. Да ещё как ступили! Прошли так далеко, что заняли и их деревню. А она рядом с городом Рославль, и Смоленск близко. А там уже и до Москвы рукой подать.

Правда, у них в деревне не стреляли. Надя слышала, что наши отступали через соседнее село, там и бои были. А вот их деревня осталась целой, как и до войны.

Это потом уже немцы приехали к ним в деревню, забрали тех, кто был в партии, арестовали местного сапожника и портного Каца вместе с семьёй и увезли в райцентр. Больше о них никто и ничего не слышал.

Хотя люди поговаривали между собой, что вроде бы их всех посадили в какой-то лагерь в Рославле, а потом и расстреляли.

Так оно или нет, Надя не знает.

Но всё равно страшно.

И вдруг появился папа.

Он пришёл днём.

Нет, не пришёл, а его привезли немцы на мотоцикле.

А за мотоциклом ехала крытая грузовая машина, из которой потом выпрыгивали немецкие солдаты.

Они же затем согнали всех жителей до колхозной канторы, что в центре, и сказали, что папа теперь будет старостой деревни, самым главным начальником.

Надя хотела радоваться, что папа вернулся живым, но не могла, потому что уже понимала, он – предатель. Её папка, её любимый и родной папка – предатель.

И об этом там же, на сходе, многие говорили в толпе.

Надя слышала не раз от людей:

– Сволочь! Продался за понюшку табака.

– А ещё бригадир, мразь!

– Под партийного рядился, чтобы скрыть истинную личину врага.

– Наши мужья да сыновья, небось, на фронте гибнут, а этот... тьфу!

– Вот вернутся наши, ещё посмотрим, кто есть кто, и как он вертеться будет, если доживёт.

– Иуда, хриstopродавец, антихрист одним словом, – шипела рядом бабушка Степанида, соседка Ставровых. – Креста на нём нет, вот что я вам скажу.

А Надькины одноклассники Гришка Кочетков и Петька Манников несколько раз исподтишка ткнули в бок Наде.

– Во, поняла, предательница, – и грозили ей кулаками.

А какая ж она предательница? Она тоже за наших, за со-

ветских, за Красную армию. И галстук красный у неё есть, потому как её приняли в пионеры в этом году 22 апреля на день рождения товарища Ленина. И она вместе со всеми давала пионерскую клятву.

А ещё Надя страстно мечтала быть похожей на Анку-пулемётчицу из фильма про Чапаева. Быть такой же смелой, чтобы всех врагов сразу уничтожить, как Анка. И даже была готова кинуться спасти самого товарища Чапаева, когда он в колхозном клубе на экране из простыни плыл по реке раненым. Ведь Надя не только хорошо плавает, но и ныряет не хуже мальчишек. И если бы она была рядом с Чапаевым в тот момент, то спасла бы его. А как же!

И какая ж она предательница после этого?

Но мальчишкам этого не объяснишь. Они и слушать не хотят.

– Контра! – вот и весь сказ.

Да ещё грозят вдобавок:

– Только посмей выйти на улицу, враз получишь по сусалам, предательница и полицайка!

И даже её лучшая подружка Танька Малахова, внучка бабушки Степаниды, больше не разговаривает с Надькой.

– Эх ты, а я с ней ещё дружила. Падлюка продажная, вот кто ты! Вражина! Я лучше с мальчишками дружить буду, чем с тобой, – и демонстративно встала рядом с Гришкой и Петькой.

Но это не так, совсем-совсем не так! Ведь она тоже не ра-

да, что папа стал полицаем и старостой деревни. И она не виновата в этом.

И уж тем более она не виновата в том, что началась война.

А на том сходе мамка дрожала вся, и всё прижимала и прижимала к себе её, Надьку.

– Доченька, дочушка родная, – шептала мама. – Как же так, доченька? Лучше бы убили. Лучше бы сгинул где-нибудь. Оплакали бы, зато не позорились.

Тогда Надя не понимала всего.

И страшно обиделась на маму. Как такое она может говорить? Ведь это же папа! А разве можно желать родному человеку такого? Нет, конечно, нет!

Но было сильно-сильно стыдно. Вот так ей было тогда: и сильно-сильно обидно, и сильно-сильно стыдно.

Обидно за маму, что так сказала, и стыдно за папу, что предатель.

Она верит, верит очень сильно, что наши обязательно победят, вернуться. И что потом будет с папой? Это ж... это ж... страшно представить, что будет.

И она не знала, что делать ей, и как быть дальше.

А потом маме стало плохо прямо на площади у колхозной конторы.

– Началось! – сказала бабушка Степанида и под руку повела маму домой.

Ей помогали ещё женщины.

Надька тоже пошла с ними, но её не пустили в баню.

Именно там должна была родить мамка.

Женщины кинулись вычищать всё в бане, в предбаннике.

Готовить к родам.

И Надя суетилась рядом, пыталась помочь молодыцам.

Но её прогнали.

– Успеешь порадоваться, Надежда, и нагореваться ещё успеешь. Вот какая она, бабья доля, – сказала бабушка Степанида. – У тебя всё впереди, а пока ступай гулять. Не мешай.

А куда гулять, если мамка там, в бане? За мамку страшно.

И ребяшня деревенская грозилась Надьке.

И за папу стыдно.

Вот и получается, что она осталась одна. Есть и мама, и папа, и друзья, а Надя одна. Некому поделиться своим горем, не к кому пойти, не с кем поговорить, погулять.

Расплакавшись, Надя спряталась в сарае, в стайке, где телка держали.

И уснула прямо в уголке на охапке свежей травы, которую она же и нарвала сегодня утром.

Когда уже к вечеру Надя зашла в дом, мама лежала на кровати в передней хате, рядом сидел папа.

– Братик у тебя родился, Наденька, – сказал ей папа. – Братик Адольф родился.

Но голос был какой-то не радостный, не такой, как ожидала Надя.

А мама плакала.

– Какой Адольф, что ты удумал, Вася? – шептала сквозь всхлипы она. – Какой к чёрту Адольф, отец? Да-нил-ка! Да-ниил! Понял, дурная твоя голова.

– Если ещё раз произнесёшь это имя, – папа подскочил с табуретки, – я тебе... я тебе... я не знаю, что с тобой сделаю! Я, может, это ради вас, вот! Чтоб выжили вы в это страшное время.

Таким злым Надя ещё ни разу не видела папу.

И даже не кинулась к папе на шею, как это делала она всегда после их разлуки.

Не кинулась. Потому что она испугалась. И тоже сильно-сильно.

Потому что папа походил на чужого злого дядю. А не на того, каким она знала его до этого, знала до войны.

Когда папа выбежал из хаты, громко матерясь и размахивая руками, мама вытерла слёзы, подозвала Надю к себе.

– Иди сюда, дочушка. Посмотри, какой у тебя братик Да-нилка, – и показала на свёрток, который лежал рядом с мамой.

Его-то, свёрток этот, Надя так сразу и не заметила.

Мама легла на бок, отвернула уголок пеленки.

Маленькое, сморщенное, красное, почти старческое личико выглядывало в глубине свёртка.

– Ой! – всплеснула руками Надя.

Она ожидала увидеть совершенно другое лицо, вполне себе личико маленького человечка. А тут вдруг...

– Ой, мамочка! – опять всплеснула руками Надя. – А как же... – слова застыли где-то глубоко-глубоко.

Она растерялась, осталась стоять у кровати, прижимая руки к груди.

Улыбка мамы немного успокоила её.

– Глупенькая, – улыбнулась мама. – Так надо. Посмотришь через недельку-другую, каким красавцем будет наш Данилка.

Девочка села у кровати на табуретку, где сидел только что папа, коснулась головой свёртка, и замерла так.

Мама уснула.

Или задремала.

Надя боялась пошевелиться, боясь потревожить маму и братика Данилку.

Но когда во дворе слышны стали поступь коровы и телёнка, которые вернулись с выпасов, мама вскинула голову.

– Я ещё немножечко полежу, – извиняющим тоном произнесла она, – а вот завтра с утра уж сама корову подою.

Надя поняла.

Поднялась, по-бабьи потуже затянула узелок на платке.

Мама заметила этот жест.

– Ты у меня прямо взрослая уже, помощница, – произнесла дрогнувшим голосом.

Дочь собралась уходить, но в дверном проёме задержалась, обернулась к маме.

– А почему вдруг Адольф? – наконец осмелилась

спросить Надя. – Ведь говорили, что Данилка, Даниил. А Адольф – это ж... это ж... хоть со двора не выходи.

– У батьки своего спроси, – зло процедила мама. – У него сейчас другой бог. Адольфом Гитлером зовут его. Вот папке и захотелось перед немцами выслужиться. Оттого и имя такое. Сыном решил рассчитаться, антихрист, прости господи. Имя сына как пропуск на службу к дьяволу. Мол, смотрите, как он верен новой власти. Тьфу! Глаза б мои не видели.

И опять заплакала.

– Ты только не плачь, мамочка, – произнесла от двери дочка. – Не плачь. Это Данилка, Даник, Даниил. А я и завтра утром подою корову. Я же умею. А ты отдыхай, отдыхай, мама.

Корова Марта у них спокойная, смиренная. Надя уже не раз доила её, мама учила.

Вот и сейчас она привычно пододвинула маленькую скамеечку, примостила рядом доёнку, принялась доить. Соски хоть и тугие, однако ж Марта отдавала молоко легко.

Молоко не укрыло и дна подойника, как прибежала соседка бабушка Степанида.

Сунув корове кусок хлеба, старуха согнала Надю, сама присела на скамеечку, попросив девочку погулять.

– Иди, дева, поскачи, попрыгай немного, а я уж и подою. Дитё ты ещё, дитё. В куклы тебе играть, а не корову доить.

– Ну, что вы, – деланно запротестовала Надя, но в душе была рада такой помощи.

Всё-таки, как бы легко корова не отдавала молоко, но ручки немели всё равно, уставали очень быстро.

– Спасибо вам, бабушка, – произнесла она и осталась стоять рядом.

Ей хотелось спросить соседку, задать ей много вопросов. Но, то ли стеснялась, то ли ещё чего. А скорее боялась не тех ответов, которые хотелось бы услышать.

– Ну, чего стоишь? – видно, бабушка поняла по-своему то, что Надя не ушла. – Не бойсь, дева. Молока вашего мне не надобно. Свою коровёнку только что подоила.

– Ой, что вы! – в который раз за сегодняшний день всплеснула руками девочка. – Что вы говорите, бабушка?! Я... я... – и замолчала.

– Чего замолчала, дева? – бабушка почувствовала недосказанность в словах ребёнка, пришла на помощь. – Говори, чего уж. Что смогу – обскажу. Чего не смогу – утаю по незнанию и по простоте душевной.

Надя ещё с минутку помялась, переминаясь с ноги на ногу, потом всё ж осмелилась:

– Бабушка, бабушка, – с жаром заговорила она, – почему так: сначала война, потом папка в полицаи, потом вместо Даника, вместо Данилки Адольф. Почему, почему, бабушка? – Надя прижалась к старушечьей спине, плакала. – Ну почему, бабушка, миленькая! И мама с папкой ругаются. Почему-у-у-у? – рыдала девчонка. – Я же их люблю, люблю и мамку, и папку, и братика люблю. Я их всех вместе люблю. Всех!

Вместе! А они... а они та-а-а-к? – она уже не просто плакала, а навзрыд, до икоты.

Однако бабушка Степанида молчала, продолжала доить корову, с ответом не спешила. Лишь больше прежнего согнулась её спина, да сильнее упёрлась головой старуха в коровий бок.

И вздохи, тяжкие старушечьи вздохи слышны были.

– Оно, дева, корову мучить нельзя, – прервала молчание бабушка. – Надо выдоить, чтоб молоко вымя не распирало. А то животине больно будет, неудобно. Понимаешь? – повернула вдруг голову к девочке.

– Д-да, – кивнула, соглашаясь, Настя.

Но всё также всхлипывала, однако уже отстранилась от старухи, не понимая, причём тут корова.

– Я про мамку, про папку, а вы...

– Так и человеку выговориться надо, – будто не услышав слов девочки, продолжила старуха, – излить горе, боль свою с души снять, о как. И человек страдает, когда горем душа переполняется, будто вымя молоком у хорошей коровы. Гляжу, полна ты горем, Надежда, а выхода не видишь. Так? Так, можешь и не говорить, я всё вижу. Страдаешь, девка, ещё как страдаешь, а помочь-то тебе и некому. За мамку страдаешь, за папку, за братика. И мамка твоя страдает. Страдает за мужика своего, ведь она ж его любит. И за тебя страдает, и за братика твоего. Вот и разрывается душа и сердце у бабы между мужем и детишками. А ещё людская молва вздох-

нуть не даёт ей. Как ей сейчас в глаза людям смотреть? Душа и сердце у неё на разрыв, а ты вдруг обиделась на мамку.

Надя молчала, лишь шмыгала носом и сопела.

В дом прошёл папа.

В непривычной чёрной одежде, в сапогах, с белой повязкой на рукаве и с винтовкой за плечами.

При виде отца, Надя сжалась вся, представив, о чём сейчас станут говорить родители.

Бабушка к этому времени закончила доить корову, отвела в загон на ночь, закрыла.

– Чего в дом не идёшь? – старушка обняла Надю, наклонилась над ней.

– Боюсь, бабушка, – разомкнула губы девочка. – Там и папка зашёл. Боюсь, что сейчас ругаться станут мамка с папкой. А как же Данилка? Мне что делать?

– Пошли со мной, дева, в дом. Небось, маковой росинки во рту не было за сегодняшний день? – бабушка подтолкнула ребёнка в направлении избы. – Заодно и молоко отнесу и процежу. При посторонних ругаться не станут батька с мамкой. Не дураки же твои родители. А ты ко мне прибегай, когда неумогу или кушать захочешь.

– Угу, – ответила Надя и покорно пошла за соседкой.

На удивление, в избе было тихо.

Папа рогачом достал чугунок из печи, накрывал стол, ладился вечерять.

– Иди, дочка, кушать вместе будем, – обратился к Наде.

Однако она лишь прижала руки к груди, стиснула зубки и замотала головой, отказываясь.

– С мамкой заодно, значит? – папа зло усмехнулся. – Ну, ну, гляди у меня. За мной не заржавеет, если что.

Бабушка Степанида в это время процеживала молоко на лавке у печки.

– Не лезь со своими придирками к жёнке да к детям, Василий, – строго произнесла старуха. – Пусть пообвыкнут немного, им к тебе по-новому привыкать надобно. А тебе к ним.

Степанида взяла кружку, налила молока, положила сверху ломоть хлеба, подала Наде.

– Поешь, девка, не гляди ни на кого и не слухай. Только за стол сядь. Ты же не нищенка и не падчерица в собственном доме при живых родителях.

Бабушка легонько подтолкнула девочку к столу.

– Садись, садись и кушай, золотце моё. А я мамке твоей отнесу молочка.

2

Всё чаще и всё громче доносилась до деревни канонада, отдалённые взрывы; всё чаще над ней пролетали самолёты с красными звёздами.

Всё ближе подходила Красная Армия.

А молва о том, что немцев гонят от Москвы, ещё чуть-чуть, и наши будут уже в деревне, бежала быстрее всех.

Сельчане спешили снять урожай, спасти всё то, что смогли посадить и вырастить на второй год оккупации.

– Наши солдатики вернутся скоро, даст бог, – говорила бабушка Степанида. – Убраться бы в огороде, а то вдруг война через нас пройдёт, сотрёт всё или сгорит к чёртовой матери. А как жить? Вот война закончится, тогда и самая жизнь начнётся. А без хлеба какая ж это жизнь? Маята одна.

А ещё бабушка Степанида ждёт сына и зятя. Их призывали на фронт вместе с Надькиным папой.

– Если Господь будет милостив, если Богу будет угодно и мои хлопчики уцелеют в этой кровавой круговерти, вернутся живыми, – говорила старуха, осеняя себя крестным знамением, – а мне ж их угостить надобно. Стол накрою, приготовлю, всё выставлю на столе в саду. Усажу их за стол, а сама встану под яблонькой и буду любоваться... любоваться буду ими как святой иконой в церковке. Во как!

Надька слушала бабушку и завидовала ей. Как же, она бу-

дет встречать своих родных, радоваться. А что будет делать Надя со своей мамой? С братиком? А что будет с папой? Думать не хочется.

Танька Малахова – внучка бабушки Степаниды, тоже ждёт прихода наших. Потому как её папка на фронте, а мамка в партизанах медсестрой.

Теперь они с Надькой снова подруги. И даже Гришка Кочетков и Петька Манников больше не грубят ей, и считает её своим товарищем.

Ну, это после того, когда мамка ещё летом тайком узнала от папы и его подельников, что будет облава в деревне, что немцы будут выселять семьи партизан в специальный лагерь в Рославле, о котором ходили страшные слухи, и отправила Надю предупредить сельчан.

Тогда многие из деревни успели уйти в леса, спрятались, переждали. И Манниковы, И Кочетковы, и Малаховы и ещё другие семьи.

А сейчас уже немцам не до этого.

На бывших колхозных полях в 1942-м и в этом году они заставили сеть пшеницу, рожь, картошку.

Пшеницу убрали ещё в конце августа уже этого 1943 года, обмолотили. Рожь только-только сжали, сейчас лежит в снопах да суслонах на полях, «доходит». Это потом уж и её обмолотят, и отправят в Германию вслед за пшеницей.

И картошку тоже.

Хотя не её время – слишком молодая картошка, с нежной

кожурой, не дозрела ещё.

Но сельчане тайком всё равно роют её на бывших колхозных полях, прячут у себя в огородах в ямках, прикрывая соломой и землёй.

– Хоть что-то убережь от антихриста до прихода наших, – говорит бабушка Степанида.

С ней соглашается и мама. И тоже вместе со всеми прячет снопы ржи, картошку.

А ещё Надька знает, что у многих закопаны мешки, а то и бочки с пшеницей.

И у них в огороде мамка закапала бочку пшеницы втайне от папы.

– Даст бог наши вернуться, а у нас и пшеничка есть, – уставшая, но довольная мама хвасталась дочери. – Будет чем колхозу проводить посевную. Да и хлеб... а как же! Ещё бы ржи успеть.

Но и немцы не дремали.

Почти две недели вывозили на телегах и на грузовиках пшеницу к железной дороге, там грузили в вагоны, отправляли в Германию.

Немцы спешили: а как тут не спешить, если поступь Красной армии слышна с каждым днём всё сильнее и сильнее.

Руководил уборкой Надькин папа.

Скандалы с именем братика как-то поутихли сами собой.

В семье привыкли, что для мамы и Нади он был Данилкойм, а для папы оставался Адольфом.

Да и малыш одинаково реагировал и на то имя, и на другое.

А вот то, что папа был полицаем, ни Надя, ни мама смириться не смогли.

Той тёплой семейной, душевной довоенной обстановке в семье так и не суждено было восстановиться. Хотя первое время папа не раз затевал разговоры на эту тему, пытаясь убедить родных, что служба в полиции – это ради них, их благополучия.

– Да поймите вы, в нынешнее время по-другому не выжить. Посмотрите, скольких людей уже нет на свете, а мы, слава богу, живы, здоровы и нос в табаке, – пробовал шутить глава семейства.

– Как все, так и мы, – всегда отвечала мама в таких случаях. – А вот идти поперёк, быть на другой стороне, не с людьми, это ж... это ж не по-нашему, не по-христиански.

Всё началось прошлой осенью 1942 года...

Данилка к тому времени уже стал ходить, ему пошёл второй годик.

В последнее время, особенно с весны 1942 года, все в деревне только и говорили, что в окрестных лесах появились партизаны.

Об этом часто говорил и папа.

Особенно, если к ним в избу приходили папины сослуживцы-полицаи – дядька Макар Горохов и молодой ещё парнишка Сёмка Глухов, то разговоры о партизанах были для

них главной темой.

Мама кормила полицаев, а Надька залазила на печку в таких случаях, таилась за дымоходом и слушала взрослых.

Получалось, что партизаны сейчас – самые главные враги не только для немцев, но и для папиных друзей.

– В Листвянке, сволочи, полицейский участок разгромили, повесили старосту. А двоих наших товарищей застрелили, – делился как-то раз дядька Макар. – А это мой старший брат Ванька с сыном Колькой. Двоих сродственников, суки, жизни лишили.

– Староста доводился двоюродным братом моей мамке, – добавил молодой полицай. – Так что и моего сродственника... царствие небесное, – и перекрестился.

– Да-а, – тянул за столом папа, – дела как сажа белая, – и нервно барабанил пальцами по столешнице.

– А что нам делать, Василий Николаевич? – спрашивал Сёмка Глухов. – Немцы ведь гарантировали, что ещё чуть-чуть, вот-вот и Москве хана. И Красная армия сбежит за Урал. Оказывается, что свои же, местные, козни строят. Как тут раньше срока богу душу не отдать, а, Василий Николаевич? И красные вроде как упёрлись под Москвой, не сдвинуть.

– Галстук готовься примерять, – зло хохотнул дядька Макар.

– Какой ещё галстук? – не понял Сёмка.

– Сталинский. Верёвку на шею, во какой, если раньше

богу душу не отдашь, – разъяснил папа, и стукнул кулаком по столу. – Беречься надо, вот что я вам скажу. И молиться, чтобы немцы свернули голову большевикам.

– Это вряд ли молитва тут поможет, – махнул рукой дядька Макар. – Напирают красные, дураку понятно. Я ещё по той войне помню, что в четырнадцатом годе началась. Я ж был на ней, воевал против немцев тогда.

– И что? – Сёмка ближе подсел к рассказчику. – И что, дядя Макар? Какая думка? Что скажешь?

– А то, друг мой ситный, – продолжил дядька, – что если упёрся наш мужик копытами в землю, то уже не сдвинешь. Тут уж хоть молись, хоть не молись, а заупокойную разучивай, чтоб, значит, в рай попасть. Он же, мужик наш, и сам сдохнуть готов, но и противника за собой потянет.

– Вот, я же что тебе говорила, дурная твоя голова? – всхлипнула мама.

– Замолчи! – повысил голос папа и снова стукнул кулаком по столу. – Ещё бабушка надвое гадала, а ты уже заупокойную затянула. Не хорони раньше времени.

– Ну-ну, – только и смогла сказать мама в оправдание.

– А в случае чего, – робко произнёс дядька Макар, – надо будет вместе с немцами того... этого. Жизни нам уже не будет, если красные вернуться. И семьи подготовить, собрать добро, то да сё.

– Это точно, – безнадёжно вздохнув, согласился папа. – И спрятаться негде. Значит, с немцами отступить пойдём.

...Тот день Надя запомнила надолго.

Хотя с утра и до вечера он был ничем не примечателен в общей череде дней осени 1942 года.

Мама, Надя и маленький Даник почти весь день были то в огороде, то во дворе, потому как было тепло, солнечно, паутинки летали.

Папа чуть задержался в соседней деревне в комендатуре, и к ужину домой ещё не пришёл.

Мама накормила уже и Надьку, и Данилку, собиралась укладывать их спать, как вдруг где-то в окрестностях раздались выстрелы.

Хозяйка тут же завесила окно в задней хате тёмной тряпкой, детей отправила на печку, велела спрятаться за дымоходом и носа не казать.

– Цыть! – прикрикнула мама. – Чтоб и голоса вашего я не слышала!

Но лампу, что была подвешена к матице посредине избы, не погасила, а лишь прикрутила чуть-чуть фитиль, притушила.

Надя поняла – это для того, чтобы они с Даником не боялись в темноте.

Ещё Надька не успела рассказать братику тут же ею придуманную сказку, как во дворе послышался топот и в избу ввалился папа.

– С-с-суки! – с порога прохрипел он. – С-с-суки! Макара и Сёмку убили, сволочи. Я еле ушёл, догадался в кана-

ву прыгнуть, а эти... а эти, и-э-эх, раз туды твою налево, – скрипел зубами папа. – В рубашке родился, точно.

– Что случилось-то? – кинулась к отцу мама.

Со слов папы Надька поняла, что папа и его сослуживцы немного задержались в комендатуре и отправились пешком домой.

Было уже темно.

Когда подошли к мостку через канаву, что почти за околицей, на них вдруг кто-то напал.

– Верись, Макара и Сёмку сразу наповал, – делился папа, то и дело отхлёбывая воду из кружки. – Даже оружие не успели снять с плеч мужики. Как назло, и позвонить в комендатуру нельзя. Потому как какая-то гадина днём раньше телефонный кабель уничтожила, а бежать туда – себе дороже.

На печке было слышно, как стучали папины зубы.

Голос дрожал. Говорил, заикаясь:

– С винтовки стреляли, суки. Я же чую, что винтовка-трёхлинейка. И патруль немецкий не подъехал: то ли не слышали, то ли побоялись.

Надя испугалась, прижала к себе братика.

Тот, словно понимая, молчал и не издавал ни единого звука. Лишь всё прижимался и прижимался к сестре.

Впервые папка лёг спать на полатах, а не на кровати в передней избе.

А уже утром вдруг потребовал, чтобы мама одела сына и подготовила еду на день на двоих.

– Это ещё зачем? – встревожилась мама. – Какого рожна сынок должен с тобой маяться? Зачем таскать его за собой решил? У него разве дома нет с мамкой?

– Не твоего ума дело! – вспылил папа. – Делай, что тебе сказано!

Не помогли ни мамины уговоры, переходящие в скандалы, ни Надькины слёзы.

Папа настоял на своём.

С тех пор папа забирал сына с собой.

– Поехали, Адольф, трудиться, – говорил отец. – В нашей семье лодырей не было и не будет. Привыкай к работе.

Мальчишка с радостью бежал к отцу, лепетал что-то.

Надя и мама изведутся, переживая, пока они вернутся домой.

Надя долго не могла понять папу. А мама не объясняла. То ли сама не понимала, то ли не хотела говорить дочери.

Помогла соседка бабушка Степанида.

– Мальцом прикрывается антихрист, – как-то подслушала Надя разговор старухи с мамой. – Сказывают люди, что партизаны давно охотятся за паразитом, так он мальчишку с собой таскает. Мол, православные не поднимут руку на него при младенце, о как. Его ж подельников уже наказали. Вот он и боится, антихрист. Жить хочет, окаянный. Сыном прикрывся, гадёныш. Это ж... это ж... нет ничего святого у человека, вот что я вам скажу.

– Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, – молилась ма-

ма, – спаси и сохрани сыночка моего родного, кровинушку мою ненаглядную, – и осеняла себя крестным знамением. – За что, за что такое наказание на дитё, на всю семью? Чем же мы прогневили бога, что он нас так наказал?

После этого Надя несколько раз пыталась поговорить с Гришкой Кочетковым, с Петькой Манниковым, с Танькой Малаховой, попросить их замолвить хоть словечко своим родным, которые в партизанах, чтобы они её папку с Данилкой не трогали.

– С ним же Даник, Данилка, – убеждала Надя. – А он маленький ещё, кроха совсем, несмышлениш. И такой хорошенький.

– Ага, сейчас! – за всех ответила Танька. – Думать раньше надо было. Кто раненых партизан, что у тётки Зои Пашковой хоронились, выдал немцам? Кто красноармейцев помогал ловить в прошлом году? А кто не спас семью Подольских, которую немцы сожгли в их собственной избе? Ни словечка не замолвил, а ведь там были не только взрослые, но и дети.

И ей, Надьке, крыть-то и нечем. Правда это, горькая-прегорькая правда.

А вот как жить дальше, как уберечь Данилку, как встречать наших, что будет с папкой – голова кругом.

...В конце сентября 1943 года папа въехал на подворье на телеге, запряжённой парой лошадей.

– Собирайтесь! – грозно потребовал он, и стал скидывать вещи в постельное покрывало, в домотканую скатерть, что

расстелил на полу в передней хате.

– Это ещё куда собираться? – подскочила к папе мама. – Никуда мы не поедem! – глядя в глаза мужу, твёрдо произнесла она.

– Нет, не поедem! – поддержала маму и Надя.

Она держала на руках Данилку.

– Нам и тут... – но договорить не успела, как папа вырвал братика, взял на руки.

– Ну, что ж, – остановившись посреди хаты и прижимая сына к груди, папа окинул взглядом избу, – ну, что ж. Так тому и быть: я забираю сына, а вы оставайтесь. Гори оно всё ярким пламенем! – и выбежал во двор.

Следом за ним кинулась и мама, и Надя.

Папа усадил сына на телегу, а мама встала перед лошадьми, загораживая дорогу со двора.

– Не пущу! – она побледнела вся, сжала зубы, глядела исподлобья.

И столько в том взгляде было ненависти, столько силы и ещё чего-то, что Надька растерялась на мгновение, замерев посреди двора. Лишь прижимала руки да сильно-сильно закусила губы.

Очнулась от толчка.

Это бабушка Степанида.

Откуда она появилась – Надя не видела.

Лишь услышала:

– Изладься, хватай братика и беги! А я уж мамке твоей

помогу.

Ещё Надя увидела, как папа ударил кулаком маму; увидела, как мама упала; и ещё успела увидеть, как бабушка Степанида уцепилась сзади в папу, повалила на землю.

И снова услышала бабушкин крик:

– Беги!

Надька ухватила Данилку, прижала к себе и кинулась с подворья.

Ей вслед неслось и мамино:

– Беги, доченька, беги! Помни, роднее его у тебя нет!

Как оказались рядом Гришка Кочетков, Петька Манников и Танька Малахова – Надя тоже не помнит.

Она снова помнит себя уже бредущей вслед друзьям по подлеску, что за деревней.

Её поддерживает Танька, что-то говорит.

Впереди Гришка несёт на руках Данилку, и тоже что-то говорит ребёнку.

Рядом с Гришкой идёт Петька, поминутно оглядываясь назад.

А вот встречу с красноармейцами вечером того же дня уже помнит отчётливо.

Помнит, как вернулась домой тогда же.

Как увидела посреди двора убитых маму и бабушку Степаниду – тоже помнит.

А ещё помнит, как там же во дворе, братик Данилка, обхватив её за ноги, дёргает за сподницу, смотрит снизу вверх

и требовательно что-то говорит.

Буковинцы

Рассказ

1

Новость о том, что в деревне будут квартировать какие-то странные полицаи, принёс дед Макар.

Вчера он сам пас за околицей свою отощавшую за зиму козу.

Детишек пожалел: холодно ещё, земля не прогрелась, зябко, а одёжка да обувь у ребятишек поизносилась.

Пришлось самому.

И вот там за околицей, где шлях на райцентр, встретил Андрея Юшкевича – знакомого из соседней деревни, одногодка, бывшего конюха у польского осадника* пана Ковалика. Когда-то и Макар Величко работал кучером у этого же поляка.

Постояли, обменялись махоркой, покурили, вспомнили былое, поделились новостями.

– В Хатыни позавчера всех сожгли, подчистую, – сильно затянувшись, произнёс Андрей. – Всю деревню. Детишек да же не пожалели.

– Иди ты! – Макар махнул руками, словно отгоняя муху. – Иди ты! Чего буровишь? Разве ж можно так шутить?

– Какие шутки? Всех, подчистую, суки, – зло, с придыханием повторил Величко. – Наши когда прибежали, то поздно

уже, поздно. Ни одной живой души. Только головешки дымятся, да запах... запах палёной человечины. И эх, раз туды твою туды! Во как.

– Ай-я-я-яй. Матерь Божья, Царица Небесная... как же так? И с чего это вдруг такая кара православным? – Макар сотворил крестное знамение. – Упокой, боже, души невинные.

– Вроде как на днях где-то каких-то важных немцев партизаны уничтожили. Так немцы, мол, решили отомстить.

– Вот оно как. Выходит, отомстить обидчикам – кишка тонка, так они виновными сделали целую деревню, ироды, даже детишек. Эти-то не дадут сдачи, в морды их поганые не въедут. На беззащитных отыграться решили.

– Ага. Люди говорят, что не только немцы жгли, но и наш брат – славянин проявил себя как... как... хуже некуда проявил себя, во как, – Андрей снова крутил папиросу, ладился закурить. – Вот что самое страшное, что славянин славянина, христианин христианина обрёк на смерть жуткую. Вот какая жизнь под немцем наладилась, ни дна ей, ни того... этого. Повылезла из человека всякая нечисть, что до поры, до времени таилась там. Война – она у некоторых человека в себе ломает, о как. Божий человек превращается в сатану. Тьфу!

Руки дрожали, табак рассыпался.

– Полицаи?

– А шут их ведаёт, – Величко прикурил от старой папиро-

сы, глубоко затынулся. – Наши полицаи тоже безобразничают, чего уж говорить. Но чтобы живьём людей сжигать? Нет, вроде как не замечалось за православными такой дикости. Стащить, что плохо лежит; в зубы кому по простоте душевной, а то и донести немцам – это они могут. А эти... и вроде как полицаи, по-нашему говорят, но зверьё зверьём. Без царя в голове антихристы. Ничего святого не осталось у извергов. Это ж... это ж... живых людей предать огню? Спаси и помилуй, господи.

Потом подумал чуток и продолжил:

– Да и люди ли это были? Вот вопрос. У людей хоть что-то святое всё равно остаётся, а у этих... – он махнул рукой, снова глубоко затынулся, зло плюнул. – Хотя за эту войну уже пора ничему не удивляться.

– Немцы – понятно. Враг наш, как ни крути. И мы все для него на один манер – враги и вроде как совсем не люди, а скотина бездушная. Вот и ведут они себя с нами как со скотиной, с животиной. Вспомни поляков, которые здесь хозяйничали, тоже добром не вспомнишь. Тоже вели себя как вроде мы и не люди, а быдло, что тот же конь или корова. Но вот чтоб славянин на славянина, – нет, не понимаю, – Юшкевич провёл рукавом под носом, крикнул:

– Что деецца, что деецца, люди добрые?!

Собеседник замолчал, переминаясь с ноги на ногу, ковырял батошкой грязную землю, сопел.

– Рассказывал староста нашей деревни Колька Приблуда,

ты его должен знать, – снова заговорил дед Андрей. – Я-то там не был.

– Знаю, а как же, – согласно кивнул дед Макар. – Кто ж Кольку Приблуду не знает?

– Колька говорил, что немцы, конечно, руководили всем этим, по их требованию, а полицаи на подхвате были, но уж больно старались в Хатыни, когда людей сгоняли до сарая и когда жгли их. Следили, чтоб никто не сбежал, не спасся. Добивали, если что. Но не наши полицаи, не местные. Своих-то он всех знает. А те пришлые. И будто звери. И формы одежды у наших местных полицаев как таковой нет: кто что добыл, в том тот и ходит. А у этих – вроде как немецкая военная форма, а вроде как отличается чуток от немцев. На рукавах пришиты какие-то тряпки сине-жёлтые, а у некоторых ещё поверх тряпки и что-то похожее на навозные вилы или вилы-тройчатки наклеплено. Начальство, значит. Некоторые говорят чисто по-русски, а большинство – как и по-нашему, а вроде и нет, и говор их чудаковатый, нашему уху не привычный, в диковинку говор тот. Но понять можно. Особливо если по-польски разумеешь, по-мадьярски тоже. Но по-нашему и по-русски понимают хорошо. Если надо, то и говорят по-русски, что не отличишь от самих русских. Чисто так говорят, это факт. И крестики на груди почти у каждого. Вот оно как.

– На войне, оно, безбожников не бывает, – пытался рассудить Макар. – Но что бы так, как ты говоришь, – нет, не хри-

стиане они, если так. И крестик на груди ещё не значит бог в душе. Нет, не значит. Иной крестом прикрывает дела свои сатанинские, антихрист.

– Колька Приблуда ещё сказал, что полицаи те из Украины приехали. И, что, мол, вроде как с Буковины основной состав.

– А это где ж та Буковина? – поинтересовался дед Макар. – Чего-то я не слышал про неё. Не на слуху.

– А холера их ведаёт, где та Буковина! – зло плюнул Юшкевич. – Век бы не знать про неё!

Мужчины замолчали.

По дороге в сторону райцентра ехала небольшая колонна немецких машин.

Солдаты сидели в кузовах, тыкали пальцами в сторону стариков, изображали выстрелы:

– Ту-ту-ту! – и заходились от хохота.

Дед Макар, опершись на палку, смотрел на немцев, молчал.

Дед Андрей отвернулся, курил, зло матерился:

– Даст бог, в гробу вас увижу. Вот тогда посмеёмся, антихристы, прости господи. Поговаривают, что Красная Армия натужилась, потихоньку вытесняет их с нашей земельки, вытесняет.

– Дай бог, дай бог, – согласно кивал Величко. – Правду говоришь. Давно пора. У нас кто-то вчера листок вывесил на заборе бывшего панского маёнтка Ковалика. Так люди чи-

тали, говорили, мол, гонит Красная Армия немца, гонит.

Разговор прервался.

Коза направилась к небольшому кустарнику лозы вглубь поля, удалялась от хозяина.

– Куда тебя нечистая сила несёт? – ругался дед Макар вслед козе, но с места не сдвинулся, лишь махнул рукой:

– Не убежит. По такой кормёжке разве что на скотомогильник одна дорога.

Опять помолчали.

Разговор не клеился.

Дед Андрей собрался уходить.

– Да, пока не забыл. Приблуда ещё говорил, что вроде как к вам в деревню на постой рота этих буковинцев должна встать. Мол, немцы что-то у вас строить надумали: то ли склад какой, то ли ещё какую заразу. Так эти охранять будут военнопленных на стройке. Ну, и заодно познакомишься с ними, холера их бери. Со зверьём из Буковины.

2

Дети появилась в семье Величко давно, ещё в начале июля 1941 года.

Грязные, уставшие, в изорванных одежках, они вышли из-за кустов прямо на деда Макара.

Старик заготавливал прутья для корзин, и был за деревней, у кромки болота, что рядом с речкой.

Долго выбирал материал, потом аккуратно срезал, складывал в вязанку.

И тут вдруг дети: девчушка, а с ней рядом мальчишка чуть меньше ростом в коротких, рваных штанишках. Оба босоногие, с грязными, в цыпках ногами. В руке девчонки небольшой узелок, и тоже грязный, как и одёжка детей, как и они сами.

– Вот ещё на мою голову, – почему-то не удивился дедушка, и уже понимал, что это беженцы.

Ему в последнее время частенько попадали на глаза то отступающие красноармейцы, то гражданские с домашним скарбом. Но вот чтобы детишки одни, без взрослых, – нет, таких не приходилось встречать ещё.

– Ну, чего молчишь? – обратился дедушка к девочке, приняв её за старшую.

Но та лишь издала какой-то горловой звук, больше похожий на мычание, и заплакала вдруг. Но и плакала как-то

странно, беззвучно, лишь всхлипы.

– Лидка – моя сестра, она говорить не может от рождения, – ответил, насупившись, мальчишка, шмыгнув носом. – Чего пристали?

– Нет, ну ты видел?! – замахал руками старик. – Вот нахалёнок! Они же вышли на меня, и я же виноват.

Девочка одёрнула мальчишку, что-то стала жестикулировать ручками, продолжая издавать мычащие звуки.

– А вы свой? – мальчишка смотрел на деда исподлобья, всё так же насупившись, басил, стараясь придать голосу больше взрослости. – Вам можно доверять?

Дедушка замешкался.

– Нет, ну, а чей же я? – всё же нашёлся старик. – Свой я, свой. Чей же ещё, как не свой. Ну, может ещё жёнкин чуток, если что. Она меня в оборот взяла давно. Значит, я не только свой, но и ейный, о как.

Внимательно выслушав деда, девчушка развязала узелок, протянула перевязанные бечёвкой бумаги, среди которых он разглядел два свидетельства о рождении.

Такие бумаги старик видел раньше, уже при советской власти. Их выдавали в сельсовете, когда родились его внуки.

– Метрика ваша? – подслеповато щурясь, дед принялся читать.

– Мамка сказала показывать их только нашим, – мальчишка снова шмыгнув носом, и стал объяснять что-то сестре, то и дело наклонялся к ней, шептал на ухо.

– Значит, вы как есть Кожуховы, – дедушка вернул свидетельства девчонке, присел на корточки перед детьми. – Лидия Васильевна, девяти лет, и Андрей Васильевич, семи годов. А где мамка с папкой? Почему без них?

Пока мальчишка отвечал на вопросы, девчушка внимательно наблюдала за братом, за дедушкой.

Тем временем дед Макар достал из тени из-под куста узелок с едой, который брал с собой на всякий случай, разложил перед детьми.

– Вот каждому по кусочку сала, да хлебушка чуток, – старик отрезал сала, положил на небольшие кусочки хлеба, подал детям. – Это я на полдник себе, да, вишь, как оно...

Бутылку с молоком, заткнутую бумажной пробкой, оставил в своём узелке.

– Хоть оно и козье, полезительное во всех отношениях, но не надо вам молока, ребятки, – словно извиняясь, пояснил дед. – Неведомо, сколько вы не ели. А если молока хлебнёте, то и вообще...

Со слов мальчишки он узнал, что дети приехали к папе в Вилейку из Могилёва. Папа чуть раньше был направлен туда в райком партии.

– На усиление кадров, – поведал мальчишка. – Так говорила мама.

Девчонка согласно кивнула, подтверждая слова брата.

В первый день войны папа убежал в райком, а маме наказал добираться до Могилёва к его родителям, где они и жили

до этого.

Мама так и сделала.

Но в тот день на колонну беженцев, которые пристроились к какой-то отступающей воинской части, налетели немецкие самолёты и маму тяжело ранило. Она ещё успела передать документы в узелке детям, а сама умерла уже к вечеру.

– Мамку похоронили у дороги, – продолжал рассказывать мальчик. – Там многих похоронили. И солдат тоже. В одной ямке. А мы пошли.

– Это ж где Могилёв, а где мы, – качал головой старик. – Тут и в мирное время вряд ли дошёл бы, а уж теперь – и по-давно. Эк, куда вас занесло.

Девчонка во время разговора то тёрла глаза грязными кулачками, то поднимала их кверху, словно взывала к высшим силам, беззвучно шевелила губами.

– Как ни крути, что ни говори, хоть так поставь, хоть бокком положи, но придётся, – дослушав мальчишку, старик принял для себя решение. – Конечно, Прасковья моя будет бурчать, ворчать, а куда деваться? Христиане мы, христиане, вот ведь как. А тут дети, да ещё и богом обиженная пигалица. Это значит, чтобы я душой страдал? Хуже нет страдать душой, вот как. И Прасковья страдать не хочет. Я её добре знаю.

Дед Макар принялся увязывать нарезанные прутья верёвкой.

Закинув вязанку за спину, повернулся к детям.

– Ну, пошли, – и направился в сторону деревни.

Пока шли, дед наспех придумывал историю, делился ею с детишками:

– Вы, детки, для всех будете внуками нашими. Запомни-ли: внуки вы наши с бабкой, внуки. Конечно, из Могилёва-города, не местные. Тем более и мальчонка говорит по-городскому. Мол, на лето приехали отдохнуть. А тут война, ни дна ей, ни покрывки. И вы, значит, с мамкой домой. Да, вишь, самолёты... ну, а дальше всё как есть: мамку убило, а вы ко мне обратно вернулись. О как! А вот про папку никому ни слова, поняли, детки? Нынче его работа, должность его не в цене, а в опасности. Скажите при случае, мол, папка остался в Могилёве, и вы о нём не знаете. Понятно я изъясняюсь?

– Понятно, дедушка, – ответил мальчик и глянул на сестру.

Впервые со времени встречи старика и детей лица девочки коснулась улыбка. Она дёрнула за рукав брата, улыбнувшись губами. Он на мгновение прижался к сестре, погладив ладошкой ей спину, словно успокаивая.

И тоже улыбнулся

А дедушка, убедив самого себя, решительным шагом подходил к собственной хате.

К счастью детей, и к радости старика, бабушка Прасковья, которую все звали бабой Просей, скандала не учинила. А даже вошла в положение, не преминула всплакнуть, поочерёд-

но прижимая к груди то мальчишку, то девчонку.

Чем сильно гордился дедушка Макар.

– Оно, моя Прасковея – девка правильная, жалостливая и с понятиями, – тут же делился с детишками хозяин. – Так что, не переживайте, а будем молить Господа, чтоб война закончилась как можно раньше, а там как бог даст. А чтоб вам скучно не было, определим вас к делу: ты, Андрейка, будешь со мной. А Лида поступит в распоряжение Прасковеи. Она её научит уму-разуму. По хозяйству, и вообще...

– А пока баньку истопи, говорун, – прервала монолог деда бабушка. – Воды согрей, хозяин.

...Лида пасла козу за околицей, в километре от немецких складов, которые построили с месяц назад. Ближе подходить запрещалось. Девочка знала об этом, потому и держалась всегда поодаль, вот на этом взгорочке.

Здесь она пасла её и вчера, и позавчера.

Сюда пригоняли коз и другие хозяева или их дети и раньше, ещё до строительства склада.

Когда собиралась несколько человек, особенно взрослых, Лидка любила слушать их разговоры.

А когда была ребятня, то она с интересом наблюдала за их играми, а вот сама участия в них не принимала.

Отсюда хорошо видна деревня, изгиб речушки за деревней, и чуть в стороне шлях на райцентр.

Ей было здесь веселее.

Она могла наблюдать, как шли люди то в ту, то в эту сто-

рону по шляху; как проезжали по шляху машины или конные повозки; как они же направлялись к складу или ехали со склада; как деревенская ребятня ловила рыбу в речке.

Где-то там сегодня и Андрейка.

Дедушка Макар обучил его ловить рыбу, помог смастерить две удочки, и сейчас днями Андрейка пропадает на речке.

И не без пользы!

Почти каждый день он приносит рыбу то на уху, а то и на добрую сковородку пожарить.

Бабушка Прося и дедушка Макар хвалят Андрея:

– Кормилец, итить в мать! – восхищённо цокает языком старик. – Смотри, Прасковья, а приварок-то и ничего! Соли бы чуток, так и засолить можно было бы к зиме рыбки, чтобы побаловать себя в морозы лютые. А что? Только вот где её взять, соль ту? А парнишка молодец!

– И то правда, – соглашается бабушка. – Десять годков парню, и след уже в дом нести пользу да добро всякое.

Они и её, Лиду, тоже хвалят.

А как не хвалить, если она с бабушкой с ранней весны и до поздней осени с огорода да с грядок не вылазит?! А ещё бабушка научила её готовить. И теперь Лида может сама сварить чугунок картошки или на таганке во дворе, или даже в печи, если хозяйка растопит печку. Да много чего умеет готовить, чего уж.

Стирает бельё в ночевах для всей семьи, потом носит по-

лоскать его на речку.

А уж полы помыть по субботам – свято дело.

Козу доит. А то у бабушки пальцы ноют, плохо шевелятся.

И пасёт козу. Это тоже входит в обязанности Лиды.

Она берёт с собой не только обед, но и книгу. Благо, у де-душки Макара много книг. Откуда книги у него в этой глухой деревне? Она не знает. Из разговора хозяев она слышала, что старшая дочка, которая в Минске, была здесь учительницей когда-то. Может, от неё остались?

Как бы то ни было, но девчонка любила читать.

Книги на русском языке Лида перечитала почти все. Некоторые перечитывала. И не один раз.

Понимает местный говор. По-польски тоже читает. Не так хорошо, как по-русски, но понимает всё. Особенно ей нравятся книги, где пишут про любовь.

Она со своей козой всегда были первыми на взгорочке.

Лидка выбирала место, где бы кинуть ватную телогрейку и присесть, как со стороны немецкого склада прогремел мощный взрыв.

Потом ещё и ещё.

Гроыхнуло так, что девчонке даже показалось на мгновение, что воздух вдруг пропал, дышать стало нечем.

А ещё тем же воздухом пахнуло настолько сильно, что её бросило на землю помимо её воли.

Испугавшись, ухватив за поводок, Лида потащила козу домой.

А та и не сопротивлялась, как обычно, а вроде даже как понимала важность момента, бежала впереди.

Всю дорогу сопровождали страшные взрывы.

Они не прекратились, даже и когда она была уже дома.

Все деревенские высыпали с хат, стояли у подворий, а то и собирались вместе по несколько человек, смотрели и слушали, как гремело и горело на том месте, где были немецкие склады.

Крестились.

3

Хотя и была середина сентября, однако солнце пригревало по-летнему.

За ночь даже не выпало росы.

И сразу с восхода уже ощущалось, что и этот день не принесёт прохлады.

– А дождь будет, вот помяни моё слово, будет, – ни к кому не обращаясь, произнёс дед Макар, стоя у хлева.

– Ты с кем там, старый? – жена вышла из загона, где только что подоила козу. – Часом умом не того?

– Говорю, дождь должен быть сегодня, – улыбнулся дед.

– Ой, знахарь! – старуха махнула рукой. – Он всё знает.

Знахарь, итить колотить.

Бабушка Прасковья ещё с вечера наказала мужу не будить детей с утра пораньше, а дать им понежиться. Вчера хорошо потрудились в саду, натаскались корзин с яблоками. Какие спустили в погреб, какие спрятали на чердаке в сене. Это те яблоки, которые не долежат до весны. А даже если и замёрзнут, то и зимой можно достать с чердака, принести в хату, оттаять, вот и будет детишкам в радость.

– Успеется и с твоей рыбалкой, и с козой. Лучше подкопай мне картошки несколько рядков. А сам потом и погонишь козу. А мы с ребятишками картошкой займёмся. Толку с ними больше в хозяйстве, чем от тебя.

– Ну-у-у, завела шарманку, – беззлобно ответил дед. – Рано ты меня списала со счетов, рано.

Однако новый день начался совершенно не так, как планировали старики.

К избе деда Макара подъехал возок, который сопровождали двое верховых.

На рукавах форменной одежды у каждого из них был жёлто-синяя нашивка.

Из возка соскочил один из полицаев.

У него на рукаве красовался такая же нашивка, поверх которой ещё изображён был и трезубец.

«Офицер, начальник», – отметил для себя дед Макар, стоя во дворе.

Наглядно старик знал их в лицо почти всех. Как-никак, буковинцы квартировали в бывшей школе, что в центре села, уже почти полгода, охраняли сначала строительство складов, а потом и сами склады.

Ещё один полицай спешился.

Третий остался верхом на лошади. Только снял винтовку из-за спины, положил на колени.

Двое тут же направились к избе.

– Доброго это... – сняв шапку, дед поклонился гостям, когда те ступили во двор. – Чего это вдруг спозаранку к нам? Случилось чего?

– Девка где, старый? – крикнул тот, который шёл первым. – Пацан где?

Второй полицай забежал в дом и уже через минуту, ухватив за косу, вытащил во двор Лиду.

Уцепившись полицая в руку, выбежал и Андрей.

– Отпусти! Отпусти сестру! – кричал мальчишка.

Изловчившись, полицай извернулся и с силой ударил Андрея сапогом в пах.

Скорчившись от боли, мальчишка рухнул посреди двора.

Следом из хаты, тяжело дыша, появилась и бабушка Прасковья.

Руками прижимала разорванную на груди кофту, фартук свисал лоскутами поверх спадницы. Растрепанные седые волосы топорщились из-под платка.

Ещё мгновение назад она пыталась вырвать из рук полицая девчонку.

– Ах... о... – хватала ртом воздух, встала на колени рядом с Андреем, прижала голову ребёнка к груди. – За что? За что, господи? Это ж дети, детки, за что ж их так?

В это время полицай, вытянув руку, с силой толкнул от себя Лиду.

Девчонка ещё успела сделать несколько шажков, спотыкаясь, и упала на землю.

Дед Макар то подбегал к старухе и Андрею, то тут же возвращался к девчонке.

– Это... это... что ж это делается, люди добрые? – ни к кому не обращаясь, лепетал старик. – Куда ж это... как же так это? За что это?

Наконец, опустился на колени, принялся поднимать с земли девчонку.

– Лидочка, Лидуся, золотце мое, – шептал дед Макар. – Терпи, терпи, моя хорошая, терпи. Бог велел терпеть, вот и потерпим чуток, потерпим. А там и благодать наступит. Наступит, поверь мне, Лидуся.

А сам прижимал и прижимал голову Лиды к груди, не переставая успокаивать:

– Прижмись ко мне, золотце моё, прижмись. Я заберу твою боль, заберу, – шептал старик.

Голос срывался, дрожал.

– Прижмись, и тебе будет легче, Лидуся. Вот видишь, уже легче, не так больно.

Девчонка обхватила старика, уткнулась лицом в грудь, всхлипывала.

Из головы, из-под вырванных волос кровь сначала появилась на затылке, скапливалась там, потом тоненькой струйкой стекала на спину.

У подворья деда Макара стали собираться люди.

Среди них стоял и староста соседней деревни Колька Приблуда.

Что он здесь делал и зачем оказался здесь в такое время, дед Макар не знал. Но увидев знакомого, кинулся к нему.

– Николай, это... Колька, – махал руками старик, – вступишь, милоч, вступишь! Там же детки, дитёнки совсем, а они, вишь как с ними.

– Сам разбирайся, – огрызнулся полицаи. – Я тебе не защитник.

Не найдя понимания у знакомого, дед подбежал к тому, кого он считал старшим.

– Пан офицер, пан офицер!

– Ах ты удоде смердячий! – зло процедил офицер, отвесив старику сильную затрещину, больше сходную по силе с ударом. – Лучше б я чорта забачив, як тебе.

От удара дед мелко засеменял, но на ногах удержался.

– За что, пан офицер? – тёр затылок старик.

– Было бы за что, убил бы, – заметил тот полицаи, который остался верхом.

И захохотал собственной шутке.

– Не спеши, – ответил офицер шутнику. – Ещё не вечер.

– А и правда: за что? – стали слышны голоса из толпы.

Офицер подошёл к людям, встал у плетня.

– Скажу вам прямо: есть сведения, что вот она, – он кивнул в сторону Лиды, – передавала сведения местным бандитам или как вы их называете – партизанам. Она же помогала им совершить диверсию на складах.

– Так она ж говорить не может, – произнесла одна из женщин. – Как же она... дитё совсем. Какой из неё партизан?

– Не твоё дело! – прервал женщину офицер. – Сказано, что передавала, значит, передавала! Начальство знает, что говорит. Потому и разговор у нас с ней будет короткий: расстрел!

Его сослуживец снова ухватил Лиду за волосы, оторвал от земли, поволок к хате, где с силой пригвоздил спиной к стенке.

– Стоять! – зло плюнул под ноги девчонке, отошёл в центр двора.

– Ну, что, пане зверхнику**, в расход и дело с концом?

Лида прижимала руки к груди, смотрела вокруг отрешённым взглядом, словно не понимая происходящего.

Первым всё понял Андрейка.

Он вдруг поднялся с земли, встал между полицаем и сестрой, широко развёл руки, словно отгородив Лидку от полицаев.

– Нет! Нет! Дяденька, миленький, нет! – кричал мальчишка. – Она... она... нет! Нет! Дяденька, миленький!

Только сейчас и до деда Макара, и до бабушки Прасковеи, да и до всех невольных свидетелей вдруг стала доходить та трагедия, которая может разыгаться на их глазах.

В толпе слышалось роптание.

Сначала робкое, потом всё громче и громче.

– Вы что удумали? Вам Хатыни мало? – кто-то выкрикнул из толпы.

– Пане зверхнику! – снова обратился к офицеру тот же полицай. – Давайте команду, будь ласка. Руки чешутся.

– Давай! – кивнул офицер.

Полицай снял винтовку из-за спины, отошёл на центр подворья, передёрнул затвор, расставив ноги, принял положе-

ние для стрельбы.

К нему кинулась бабушка Прасковья.

– Родненький мой, не стреляй! – и упала к ногам полицейя.

Обхватив ногу, принялась целовать сапоги, приговаривая:

– Миленький, родненький, не стреляй, умоляю! – причитала старуха.

– Если что, ты лучше меня.

Андрей в это время уже стоял у стенки хаты, обнимал сестру, что-то шептал ей.

Дед Макар застыл посреди двора в растерянности, не зная что делать.

– Отчепись, курва! – полицейя дёрнул ногой, пытаюсь освободиться от старухи.

Но та, на удивление, держала крепко, не отпускала.

– От бісова баба! – зло произнёс полицейя.

– Мыкола! – заметил третий полицейя, который так и остался в седле. – Ты даже со старухой управиться не можешь, – и захохотал громко.

– Лучше меня, сынок, – продолжала умолять бабушка Прасковья, продолжая целовать сапоги полицейя.

– Пане зверхнику! – снова обратился полицейя к начальнику. – Просит курва старая. Может, уважим?

– Уважь! – махнул тот рукой. – Тільки швыдше.

Полицейя тут же перехватил винтовку и с силой вонзил штык в спину старухи.

Поднатужившись, не вытаскивая штык из тела женщины, винтовкой отодвинул труп чуть в сторону.

Только потом выдернул штык, наклонился над трупом, старушечьим фартуком вытер его от крови, направился к детям.

Толпа невольных свидетелей по ту сторону плетня лишь ахнула.

– Стоять! – грозно потребовал офицер, и достал пистолет из кобуры. – Чуть что и стреляю! – и выстрелил в воздух.

Люди застыли.

В этой тишине слышно было, как фыркнула лошадь, запряжённая в возок, отгоняя мух и слепней.

Где-то на том краю деревни затарахтел мотоцикл.

– Ну, коль старуху того... этого, то и меня давай! – дед Макар решительно шагнул навстречу полицая, перегородив дорогу к детям. – Мне без хозяйки на этом свете делать нечего, – скинув шапку, воздел лицо к небу, сотворил крестное знамение. – Стреляй, мил человек, стреляй. Мне без старухи никак. Ты деток только оставь, мил человек, прошу на промилуй бог.

Полицай остановился, повернулся к начальнику.

– Раз чоловік хоче, так уважь, – улыбнувшись, ответил тот.

И снова полицай перебрросил в руках винтовку, отработанным ударом вогнал штык старику в грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.